

Спасение Якова Рухмана

«Ваша история настолько необычна, что поразила даже меня»

Анатолий Рыбаков, автор романа «Тяжёлый песок» (из письма Я.Рухману)

Я никогда не расспрашивал его о подробностях. Отчасти потому, что не хотел бередить в нём воспоминания о пережитом, отчасти потому, что даже слушать о них было очень тяжело.

Но он нашёл в себе силы изложить их на бумаге. В 1995-2002г.г. отрывки из его записей появились в русскоязычных газетах, его воспоминания были записаны на видеомagneтофон бригадой Фонда Спилберга, а в 2011г. в Донецке вышла небольшим тиражом книга Якова Рухмана «Моя жизнь», изданная благодаря усилиям его родственницы А.Н.Добромысловой.

Он родился в 1931г. в белорусском местечке Бешенковичи недалеко от Витебска в семье Исаака Рухмана и Розы Добромыслиной. Оба они были бухгалтерами. В местечке было 5 тысяч жителей, из них 3 тысячи – евреи. Синагогу в тридцатых годах закрыли, помещение отдали под кинотеатр, но до 1936г. ещё работала еврейская средняя школа. К 1941 году у Якова были сестра Соня семи лет и брат Боря трёх лет. Уже через несколько дней после начала войны его отец был мобилизован в армию.

С приближением немецких войск 3 июля мать Якова решила вывезти семью из местечка. Было две дороги – на Витебск, куда направлялось большинство беженцев, и на Сенно. Налетели немецкие самолёты и стали бомбить и обстреливать из пулемётов людей на дороге, началась паника. Мать Якова выбрала вторую дорогу, более свободную. Это было трагической ошибкой. Путь им преградили немецкие танки. К тому же, во время остановки у них украли лошадь и подводу с вещами. Переночевали в сарае, а утром прибежали несколько человек с палками и стали кричать: «Вон, жида, из сарая!» Пришлось возвращаться в своё местечко. Там уже были немцы, горели дома. Еврейское население сосредоточилось в основном на одной Лепельской улице.

Их дом, стоявший несколько в стороне, уцелел, но был разграблен. В нём, кроме семьи Якова, разместились ещё четыре семьи. Родился и умер ребёнок, двое немецких солдат приходили насилловать девушку (когда её дедушка попытался вступить за неё, его ударили рукояткой пистолета по голове). В соседних сёлах начались расстрелы евреев.

А те беженцы, которые направились в Витебск, успели эвакуироваться до сдачи города.

В течение следующих месяцев в Бешенковичах появилась немецкая комендатура, белорусская полиция и созданный ими «Юденрат». Евреям запретили покидать местечко и велено было нашить на одежду жёлтые латы и нарисовать на домах шестиконечные звёзды.

Не было продуктов и даже возможности вымыться, пока сосед белорус Николай Перегуда, рискуя жизнью своей семьи, не пустил их в свою баню. Однажды немцы стали раздавать белорусам картошку. Яков тоже встал в очередь, но у дверей склада один белорус подбежал к охраннику и, указывая на Якова, закричал: «юде!». Немец схватил Якова за воротник и бросил на улицу прямо под колёса грузовика. Мальчику чудом удалось остаться в живых.

Начались акции по ликвидации еврейского населения местечек.

Сосед, мобилизованный вместе с отцом Якова, попал позднее в плен, бежал и вернулся домой. Он передал матери Якова слова её мужа: спасти хоть кого-нибудь из членов семьи! В декабре 1941г. мать Якова решилась на героический, но ужасный для матери поступок: дать шанс хотя бы одному из своих детей. Оставив двух младших на попечение бабушки и тёти, она рано утром велела Якову тепло одеться и сопровождать её в больницу (так она ему сказала). По дороге она вынула из сумочки юбку девочки, помогла Якову её надеть и стала обучать его легенде, согласно которой сама она – армянка по имени Аня, в раннем возрасте вывезенная в

Россию и не знающая армянского языка, муж её, поляк умер несколько лет назад, а дочь зовут Ядвига. И что, выселенные немцами из дома около Ленинграда, они направляются к её сестре в Смоленск. Легенда эта неоднократно повторялась, дополнялась и уточнялась, и Яков заучил её наизусть, научился говорить о себе как о девочке и вести себя соответственно. С этого момента мать называла его Ядя и обращалась к нему как к дочери. Она надеялась добраться до отступающих советских войск и перейти фронт.

(В феврале 1942г. в Бешенковичах немцы расстреляли 1068 евреев, в том числе брата и сестру Якова. На поставленном после войны памятнике национальность погибших не указана).

Всю зиму Яков с матерью провели на дорогах, проходя до 20 км в день, ночуя в случайных домах и питаясь подачками. Морозы в том году доходили до 41 градуса.

Как они выжили в ту зиму? У «Яди» сохранились лишь отдельные воспоминания о том времени. Сказался, видимо, стресс от пережитого и то, что рядом с матерью он чувствовал себя защищённым, не принимающим самостоятельных решений. Но некоторые переходы и ночёвки он не забыл до конца своей жизни.

Как-то к ночи они попытались найти ночлег в деревне, но, увидев беженцев, люди отворачивались и не открывали двери. Во всех дворах, почуя чужих, начали лаять собаки. Стало жутко. И только на окраине какая-то женщина, живущая с маленькой дочкой в доме без двора и забора, смилостивилась над ними, приютила и накормила. А ведь всё население знало: выдашь или убьёшь еврея – получишь корову или лошадь.

Однажды во время пурги они зашли в дом, в котором оказались немцы. Мать поняла из разговора, что один предложил их расстрелять (может, евреи или связаны с партизанами), двое других предложили отправить мать с дочерью в штаб. В штабе офицер посмотрел на них и велел отпустить. Через Смоленск удалось проехать на немецкой машине, и они направились в Рослов. Мать решила идти в немецкую комендатуру, просить разрешения остаться в городе, считая, что немцы не подумают, будто евреи могут сами прийти к ним. Но встречный прохожий оказался полицаем и отвёл их в русскую полицию.

Два месяца им предстояло провести в тюрьме. Якова поместили в камеру вместе с несколькими женщинами. Его водили на допрос и били; он вцепился в пальто, не дал себя раздеть и твёрдо держался заученной легенды. Немцы пытались обмануть его, говоря, что мать уже созналась в том, что они евреи. Однако Яков упорно стоял на своём. В конце концов, он оказался в одной камере с матерью. Как-то при них умирала раненая молодая партизанка. Просила всё время пить. После допроса прошептала: «Я ничего им не сказала... расскажите обо мне моей маме», но Яков не запомнил ни адреса, ни имени матери. Ежедневно людей выводили на расстрел.

Весной 1942г. их освободили и разрешили жить в городе. Матери удалось устроиться работать на немецкую кухню и снять квартиру. От сырости и холода у Якова начался ревматизм, но с помощью керосина с болями удалось справиться.

Осенью пришла повестка снова явиться в полицию. Яков настоял на побеге. Мать зашла за шалью в дом, где они первое время жили, а Яков остался во дворе, наблюдая за козочками. Когда же он стал искать мать, оказалась, что она вышла из дома. До вечера он безуспешно пытался её найти (ему сказали, что мать тоже искала его, но в последствии он не мог вспомнить, действительно ли это было или ему приснилось), а к ночи решил идти в Брянск, разыскивать партизан, как она учила его. «Учти, Ядя», - говорила она, - «если я погибну, ведь всё может случиться, у тебя есть единственное спасение – найти партизан».

(Перед самой войной ему приснился сон, что он шёл с матерью по лесу, и за ними погналась стая волков. Спасаясь, он влез на дерево, а мать осталась внизу).

Теперь он был один. Ему только что исполнилось одиннадцать лет. После всего пережитого он, по его словам, лишился чувства страха, который мог бы его выдать. Снова каждый день он шёл по дорогам, одетый как девочка. Как-то раз, заснув в стоге, он проснулся от того, что ... кто-то разгребал сено! Оказалось, что лошадь, которая паслась в ночном, почуяла присутствие человека.

В конце концов, он наткнулся на немецких солдат. Объяснил, что идёт в Брянск от мамы к бабушке. Его отвели в штаб, где были два офицера. Яков понял, зная идиш, как один из них возмутился: «Какие свиньи эти русские! Идёт война, а ребёнка посылают одного». (Если бы Яков наткнулся на русских полицейских, результат был бы трагичным). Немцы довели его на попутной машине почти до города, но встреченная женщина рассказала, что город разрушен, население голодает, люди едят крапиву. Она дала ему хлеба и яиц, чтобы в обмен попросился подвезти его. Так он опять оказался в Рослове. Ничего не узнал о матери, ел с пленными, спал на разрушенном вокзале. Приближалась зима, и он понимал, что один он её не переживёт. Как-то услышал, что в городе есть детский дом. И тут пригодился ещё один урок мамы. Как раньше она рискнула пойти в управу и просить разрешения остаться в городе, так и он теперь решил рискнуть: попроситься в детский дом. В управе рассказал, что мать бросила его, уехав с немцами.

Так Яков оказался в младшей группе девочек детского дома, где ему предстояло провести целый год, ежеминутно подвергаясь опасности быть разоблачённым. У него были длинные до плеч волосы, он старался копировать девичьи манеры поведения, но, как он ни оберегался, дети постепенно поняли, что Ядя может быть и девочкой и мальчиком. Воспитательницы, конечно, тоже догадывались, но только спустя несколько месяцев, убедившись, успокоили: «Всё ясно, ты остаёшься нашей хорошей девочкой».

Однажды в детский дом пришёл русский доктор, осматривал детей, раздетых по пояс. Про Ядю он сказал медсестре: «Никогда не видел у девочки такой конституции грудной клетки!»

Трудно предположить, что врач не был способен определить пол одиннадцатилетнего ребёнка. Наверное, не хотел брать греха на душу.

Был момент, когда семья местного полицейского хотела удочерить ребёнка из детского дома и выбрала Ядю. Уговаривали, как ему (ей) будет у них хорошо. Якову приходилось убежать каждый раз, когда они появлялись.

Детский дом объединили с инвалидным и перевели в другое место, а в прежний дом вскоре попала бомба и он был полностью разрушен.

Якову приходилось пасти коров, копать картошку, скирдовать сено.

В октябре 1943г. ему исполнилось двенадцать лет. К городу подошли наступающие советские войска. Отступая, немцы взорвали тюрьму с находящимися в ней заключёнными. Когда пронёсся слух, что советские солдаты близко, Яков вместе с мальчиками побежал им навстречу. Просился в полк. В детском доме медсестра сказала ему: «Ну, Ядя, ты осталась жива, можешь переодеться». И велела инвалиду-парикмахеру постричь его. Теперь, после двухлетнего перерыва, надо было научиться быть мальчиком. Дети были, конечно, удивлены.

(Оказывается, воинская часть, где служил его отец, проходила через Рослов, но они не встретились).

В городе установилась советская власть. Несколько немецких прислужников были повешены, а немецкое кладбище сравняли с землёй. Через несколько месяцев детей стали распределять в другие детские дома. Яков продолжал числиться под вымышленной матерью фамилией Козловский. Затем Яков был направлен в ремесленное училище возле г.Козельска Калужской области. Минувя третий класс, он начал учиться в четвёртом. От ремесленников страдали местные жители и совхоз: за зиму дети выкрали всю семенную картошку; воровали и внутри училища со склада и из кухни.

В начале 1945г. он написал письмо в село Шумилино, где до войны жили родители мамы, и ему удалось через райисполком разыскать бабушку и дедушку. Яков написал письмо дедушке – без конверта и марки, сложенное треугольником, как было тогда принято. Это письмо бабушка сохраняла до конца своих дней и при последней встрече вернула его внуку (см. фото). От бабушки Яков узнал, что отец его жив и дошёл до Берлина. Зимой, направляясь на каникулы, на вокзале в Витебске он случайно встретил возвращавшегося с фронта отца-офицера, который его не узнал. «Вы не знаете меня?» - спросил его Яков.

Родная сестра отца, Соня, проведя ночь с детьми в бане у Перегуды, сумела в день расстрела гетто уйти с ними из Бешенковичей, прошла через охрану под предлогом, что должна работать в соседнем селе (случайно в её сумке оказались пяльцы). С помощью сестры Перегуды, испытав многие мучения (однажды она даже хотела отравить себя и детей), они добрались до фронта. (Позднее в Израиле Николаю Илларионовичу Перегуде посмертно было присвоено звание «праведника мира»).

Поиски матери, Розы Марковны Добромыслиной ни к чему не привели. Яков с отцом побывали и в доме, где пути матери и сына разошлись. Хозяйка не узнала его, но подтвердила, что женщина по имени Аня с дочкой Ядей была у неё и ушла неизвестно куда. (В письме к дедушке Яков писал: «Ходили слухи, что её видели у партизан»). Видимо, кто-то хотел успокоить мальчика).

Именно мать представляется мне главной героиней трагедии. Трудно представить себе душевное состояние женщины, вынужденной, вопреки материнскому инстинкту, выбирать, кого из своих детей она попытается спасти. Можно только поражаться, как созрел у неё план поручить Якову роль девочки, понадеявшись на его выдержку и понимание происходящего. Ошибка при выборе маршрута тоже говорит о её самостоятельности и решимости.

Иногда у меня появляется крамольная мысль: не пришла ли она к выводу в определённый момент, что без неё сын будет меньше привлекать к себе внимания, и у него будет больше шансов уцелеть? Может быть, как ни страшно об этом подумать, она сознательно оставила его одного, когда он уже доказал свою способность переносить чудовищные условия постоянного бегства от погони и принимать необходимые решения? Если это предположение верно, то можно сказать: она сделала единственно правильный выбор. Круг сужался, повторный вызов в полицию говорит об этом. Вдвоём они наверняка бы погибли.

Светлая ей память!

Яков Рухман стал инженером, руководил проектными работами по автоматизации шахт. Прошедший через ад, он остался добрым, душевным, тихим и скромным человеком, всегда готовым помочь людям. И в жизни взрослого человека пришлось ему сталкиваться с тяжёлыми ситуациями, но это уже другой рассказ.

Адольф Гоман, Кармиэль, Галилея.

Статья опубликована в Интернете в журнале-газете «Мастерская» под ред.Евгения Берковича 27.01.2017г. к Международному дню памяти Катастрофы

20/II 45 года. Привет из Козловски.

Здравствуй дедушка я живу хорошо ухус на месте
ра. Мой дедушка я долго не знал про вас и всю

вашу семью извещал. Потом я поехал в Мухомор
в радиски мне от туда приехали, что семья Добран
семья живёт в Витебской обл. в городок. я и мам
сам туда. Дедушка когда меня приехал в
Бешенковичи мы выехали за Бешенковичи
потом обратно приехали мы жили в а. менуев.
они издевались, мы я и мама решили идти к
француз к Москве без всяких документов. Со мной
и Борюшкой мы остались с Штейн Солей. Когда
мы шли мама и я мы переехали фронтально
не ждали а Козловский, и теперь я всё время
живу с Козловский. Когда мы шли мы жили в
Рослав. Самосетской обл. тогда всё равно нужно доку
ментов мы там спросили у полицейского где
командатура от нас привёс в полицейские и нас
поселили в тюрьму мы там поселили два месяца,
и нас отпустили и дали нам все какие докумен
ты. Мама работала в столовой и мы кое-как
кармлились. Потом обратно пришла повестка, что
нас вызывают в полицейские мы сразу поехали
и мы выехали а потом дальше потом мама
сказала мне, что я посижу а она зашла в до
потом я позвал я сижу потом зашёл в тот
дом там жили те кто мы жили когда мы
пришли в рослав мы у них стали на квар
тиру они сказали, что она только вышла
я читал её историю по телефону и она так
мой отец искала то мы терпелись.

Тогда я невольно пошел в Босове и сел
между брата и сестры в дет-дом при
мещев. Конечно было плохо. Потом
слухи, что она находится в Барнауле.
Потом я всё время был в дет-доме
за Босовом. Дедушка и маминте как
у вас проходило дело когда вы
вакцировались кто-то с дедушкой
и с тетей мамой и с другими
Я лично уверен, что вы постоянно
писали очень много. Я написал
только самое главное.

Дедушка мамин письма
которые идут от
кого-нибудь проверяют
я это писал суждено

В городе Козельск
Дедушка как
мне кажется
погода
мае вас
Добрый вечер М.

В Калужская обл. в Козельск
спец. П. П. № 20 Козловскому. Я. И.
Моду
Получайте письма.

Напишите про вашу жизнь
как вы живёте

Родители Якова – Исаак Рухман и Роза Добромыслина

Мать Якова - Роза Марковна Добромыслина

Яков Рухман

Яков Рухман первоклассник (на фото в центре)

Яков Рухман в техническом училище (на фото в центре)

Яков Рухман студент

Яков Рухман